

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭТНИЧНОСТИ В НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Т.А. Сироткина

Аннотация. Анализируются средства вербализации категории этничности в наивной картине мира. Рассматривается материал исследования, т.е. этнонимы в диалектном дискурсе Пермского края, как средство вербализации этнических концептов и стереотипов в наивной картине мира. Этнические имена характеризуются как главный компонент одной из важнейших категорий языкового сознания – категории этничности. В заключении делается вывод о том, что категория этничности – важный компонент наивной картины мира.

Ключевые слова: категория, наивная картина мира, этничность, диалектная речь, этнические стереотипы, этноним.

Введение

Одна из ипостасей образа человека в наивной картине мира – человек этнический. Основным способом вербализации данной ипостаси являются этнонимы – названия людей по этнической принадлежности. «Наличие этнонима... как у всего исторически возникшего сообщества людей, так и у какой-то его части (субэтнуса) служит проявлением самоидентификации людей и принадлежности их к конкретной общности. При этом этнонимы есть результат реально существующих этноинтегрирующих и этнодифференцирующих факторов и причины их возникновения находятся в прошлом» [1. С. 104].

В антропоцентричной парадигме современной лингвистики центральное место занимает концептосфера «Человек» и все ее составляющие. Одной из важнейших является, на наш взгляд, этническая составляющая. Человек осознает сам себя как часть определенного этноса и в то же время идентифицирует других людей по признаку этничности.

Под *этничностью* мы понимаем универсальную познавательную категорию, посредством которой человек определяет принадлежность себя и других к тому или иному этносу. Для этого он использует стандартный набор классификаторов, к которым относятся: язык, особенности внешности, характера и поведения, определенные черты материальной и духовной культуры представителей этноса.

Особенно показательным является рассмотрение функционирования этнонимов в рамках диалектного дискурса, отражающего региональную картину мира жителей определенной территории.

В данной статье рассмотрим функционирование этнонимов в речи русских жителей Прикамья. Весь использованный материал был собран в конце XX в. студентами Пермского государственного университета во

время диалектологических экспедиций и хранится в картотеке словарного кабинета ПГУ.

Этнические образы и стереотипы

Исследование функционирования этнонимов в живой речи может пролить свет на то, как отражаются этнические образы и стереотипы в наивной картине мира жителей определенной местности. Материалом настоящей статьи послужила пермская этнонимия – названия народов, функционирующие в говорах Пермского края России.

В языковой картине мира русских жителей Пермского края отражаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Язык того или иного народа: «Были марийцы у нас. У них-то разговор свой»; «Зырянский, у них язык свой. На заводах работали. С русскими по-русски, меж собой по-зырянски говорили».

2. Типичные черты характера и поведения: «Шапку не снимат даже. Ты что, по-татарски?»; «Он придет, так его не выгонишь. Больно навяшшывые. Своя нация – цыганы».

3. Занятия представителей определенной национальности: «Приезжали раньше-то, гадали цыганки»; «Манси раньше наезжали. Унты продавали, туфли теплые»; «Третное ткали только пермянки, оне в шесть ниченок, а мы – в три-четыре».

4. Манера одеваться: «Штаны как у татарки выпушшэны наверх».

5. Особенности вероисповедания: «В Велсе две церкви было. Одна для русских, друга для татар».

Все эти образы складываются в стереотипные представления о том или ином народе, с которым русское население проживает в тесном контакте.

Все этнические стереотипы делят на автостереотипы, отражающие представления о своем этносе, и гетеростереотипы, представляющие типичные черты «чужих».

Основой гетеростереотипов, по наблюдениям этнологов, является антропостереотипичность [2. С. 216], т.е. обусловленность стереотипа внешним обликом индивида: «Вогулы – народ, особая нация. Степные люди. Косы носят. Глазки у них узенькие. Похожи на первобытных людей»; «У них своя нация – сами черные, под вид цыганов. Раньше назывались казаки»; «Личность такая мариец. Глаза узкие, с женой был».

Стереотипные представления о типичных чертах характера или поведения позволяют использовать этнические имена в качестве нарицательных обозначений. Например, тунгусом в пермских говорах называют молчаливого человека: «Спросишь – он молчит. Тонгус называют. Он-де какой тонгус, нельзя-де слова докупиться».

Средствами выражения этнических стереотипов являются:

1. Слова, содержащие оценку свойств типичного представителя другого этноса:

а) существительные: «Это которой по-русски говорить хорошо не умеет, вот и вотяк»;

б) глаголы: «Ходит и всех обцыганиват, обманыват всех окаянный»;

в) наречия по-татарски, по-чалдонски (чалдоны или челдоны – название русских, являющихся коренными уральцами) и другие отражают в основном особенности поведения и речи: «Шапку не снимат даже. Ты что, по-татарски?»; «Все старухи уж переладилась на городской лад и не хочут по-чалдонски говорить».

2. Словосочетания, обозначающие характерные предметы быта, одежды и т.д. Татарские платки, русская баня, русский сарафан – все эти и многие другие сочетания терминологического характера являются устойчивыми и отражают реалии национального быта: «Платок у тебя как-то татарской»; «В русской бане бывал?»; «Сарафан у тебя чисто русский». Как мы видим, данный способ репрезентации более характерен для отражения специфики материальной культуры.

3. «Предложения-формулы» [3], которые эксплицитно, при помощи специальных показателей (предикатов, предикатных сочетаний, союзов), выражают данные стереотипы. Например, X как (похож, будто) Y.

Данный тип высказывания довольно часто формирует фразеологические конструкции, отражающие стереотипные представления: «Где-ко издят – как цыгана, с места на место»; «Живем как вогулы, ругамся, грешим, переговаривам, вот дождя и нет»; «Раньше чё, книжки не читали, радио не слышали, как чучмеки жили»; «Дикие как чучкари, раньше жили».

Именно на основании внешних признаков представителей определенного этноса возникают вторичные этнонимы, например коллективные прозвища. Так, жителей д. Сыпучи Красновишерского района называют монголами.

Этнические имена – основная составляющая категории этничности

Функционирование этнонимов в живой речи связано с языковой компетенцией личности. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, компетенция в области идентифицирующих имен создается знанием их референции [4]. Референция этнического имени может быть:

1. Известна говорящему: «Личность такая мариец. Глаза узкие. С женой был»; «Манси раньше наезжали. Унты продавали, туфли теплые».

2. Неизвестна говорящему, в этом случае он:

а) признает свою некомпетентность: «Не видал, не знаю ханты, манси»; «Не видела хантов, мансей»;

б) пытается произвести категоризацию самостоятельно, в этом случае происходит генерализация этнонимического значения: «Вогулы живут в юртах, а зыряна-то тоже вогула»; «Вотяки они тоже, наверно, зыряна, наверно, вотяк и те, и другие».

Вместе с тем в любом из указанных случаев отмечаются «чуждость», «заграничность» культуры соседей: «Татара, наверно, съели его с кобылой вместе. Он по лошадь ушел».

Но и представитель своего этноса описывается через особенности другой культуры, иного склада характера: «Да вот у нас тут в суседах есть парень. Такой чернуший, как китаец»; «Проспишь до утра. А утром глаза как у китайца станут. Распухнет лицо от комаров».

Часто подобное обозначение становится устойчивым либо для отдельного человека, либо для целого коллектива. Представители целой деревни могут иметь отэтнонимное прозвище, в основе которого лежат какие-либо внешние особенности или особенности поведения, речи: «Сыпучане – монгольцы»; «Монголы – в Сыпучах».

Ключом к открытию стереотипов национальных характеров, по мнению И.М. Кобозевой, могут служить лексические коннотации, которые понимаются как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта» [5. С. 105].

К числу объективных проявлений коннотаций следует относить, по наблюдениям И.М. Кобозевой, и те явления, которые обычно не фиксируются словарями, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой или ее дериватом. В этом плане отмеченное в словаре В.И. Даля толкование лексемы «цыган» как «обманщик, плут» актуализируется в высказываниях носителей пермских говоров: «Цыган проклятой! (о петухе)». Этноним «татары» имеет коннотацию «хитрый, жадный», и здесь неслучайной является фраза «Татара ево, наверно, съели с кобылой вместе».

В наивной картине мира часто нет границы между этнонимами и катойконимами, что хорошо репрезентируют диалектные тексты: «Раз уж с Башкирии, так башкирцем и называм. Есть у него, ага, свой язык» (только по второй фразе можно установить, что речь все же идет скорее об этнониме, нежели о катойкониме или прозвище); «Многие есть белорусы. Из Белоруссии. Как их русскими назовешь?».

Не различаются также собственно этнонимы и названия этноконфессиональных групп: «Анфиза кержачка. Нация такая».

Иногда наблюдается окказиональное использование форм этнических наименований: «Соня на стрелке. Отец и мать греки были. Соня гречка была».

Кроме того, сам термин «этнос», репрезентирующий категорию этничности в научных текстах, в бытовом дискурсе не представлен. Его за-

меняют синонимичные лексемы «народ», «нация», «национальность»: «Есть такая нация – башкиры»; «Цыгане-то – своя нация у них».

Только в записях диалектной речи мы встречаем уникальные микропонимы, образованные от этнических имен, например Мордовская делянка: «Из Мордвы. Они работали там. Прозвали так – Мордовская делянка»; «Мордовская делянка – там мордва населяли, потом снова ушли».

Главным условием существования этничности является наличие дихотомического отношения «мы – они». «Если такового отношения не существует, тогда нет смысла говорить об этничности, поскольку она предполагает такие отношения между группами, члены которых рассматривают друг друга как различающиеся по каким-либо культурным характеристикам» [2. С. 87].

В высказываниях носителей пермских говоров часто актуализируется именно эта сторона этничности: «Украинцы – национальность у них такая. Их же называют хохлами. Это у них прозвищю. Сами себя называют. Не серчают»; «Чиганьё-то – своя нация у их».

Наряду с осознанием этнической специфичности присутствует в наивной картине мира и чувство толерантности по отношению к носителям других культур: «Не спорьте, все люди одинаковые, и русские, и татары, и все вместе. Не спорьте, о чем бог не велит».

В одном случае знание может быть основано на сведениях, полученных от родителей и прародителей на базе конкретной пропозиционной структуры. В этом случае в мотивационном тексте обычны отсылки к мнению предков: «А вот вогульё-то раньше, деды сказывали, дэк оне раньше ни соль не знали, ни чё. Мясо берут в зубы, ножом так его р-раз». В другом случае проявляется нефактуальное (непропозиционное) знание: «Вотяки они тоже, наверно, зыряна, наверно, вотяк – и те, и другие».

Таким образом, в целом создается эпистемическая градуальность, которая строится с помощью эпистемических показателей, эпистемических сигналов (знаю, не знаю, говорят, на моей памяти, деды сказывали и т.д.): «Не видал, не знаю ханты, манси»; «На моей памяти их всяко называли – шайтаныма, и самоедыма. А живут они где-ко на камню за Уралом. Если их не обидят – они хлебосольные». Г.Ф. Ковалев считает, что «для традиционного фольклора не характерно широкое употребление этнических наименований. Все положительные персонажи, например русских сказок, как правило, являются русскими людьми, причем этот факт выявляется не с помощью этнонимов или этнонимических прилагательных, а через антропонимическую систему и этнические показатели в контексте. Негативные герои персонажируются в сказочных образах, в которых их инонациональная (иногда – многоконфессиональная) принадлежность просвечивает опять-таки через различные детали контекста: Баба-Яга и Кощей Бессмертный с их неперменной фразой «Русским духом пахнет!» [6. С. 65].

Несмотря на это, категория этничности так или иначе представлена во всех жанрах пермского фольклора – в песнях, сказках, играх, малых устно-поэтических жанрах (поговорках).

В исторических песнях используются традиционные для фольклора формы этнонима татарин – татарянин, татарчанин: «Как возговорит да злой татарянин»; «Уж ты гой еси, злой татарчанин!» [7. С. 71–72].

В святочные вечера молодежь раньше «играла зыряном»: «Мы раньше ишшо зыряном играли, ноне уж так-ту не играют; о святки одного средят, долгушего, остальные над им галятся».

Кроме общерусских этнонимов, в диалектном дискурсе функционируют народные названия этносов. Так, слово *альшка*, имеющее в СРНГ помету «пермское», называет татарку [8. С. 244]; слово апайка (там же, с этой же пометой) – замужнюю татарку, чувашку (от татарского апа – старшая сестра).

Возникают народные названия отдельных этнических групп. Так, *чердаками* местное население называет этническую группу русских на севере Куединского района, сформировавшуюся в начале XIX в. из переселенцев Чердынского уезда Пермской губернии, *ишимой* – этническую группу русских, основу которой составляли помещичьи крестьяне, переселенные из Казанской и Нижегородской губерний [9. С. 22].

Различаются внутри русского населения этнические группы коренных уральцев (челдоны) и выходцев из центральной России (кацапы): «Я вот, например, челдонка, муж – кацап». В ряде случаев носители пермских говоров реагируют на данное именование как обидное: «Сам ты челдонья, понятно? Белорус!»; «Вы нас челдонцами не называйте, если мы не такие слова говорим».

Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать вывод, что этнические имена являются важной составной частью традиционной культуры русских Пермского края. Они отражают стереотипные представления о соседних народах, их культуре и традициях. Этнические образы и стереотипы – важный элемент наивной картины мира, который позволяет, с одной стороны, хранить доминантные составляющие данной культуры, а с другой – определять и оценивать отличительные черты других культур. Одной из существенных для языкового сознания категорий, на наш взгляд, является категория этничности. Человек осознает сам себя как часть определенного этноса в то же время идентифицирует других людей по признаку этничности.

Литература

1. *Чагин Г.Н.* История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь, 1999.
2. *Садехин А.П., Грушевицкая Т.Г.* Этнология: Учеб. для студентов высших учебных заведений. М., 2003.

3. *Протченко И.Ф., Черемисина Н.В.* Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного (динамика, экспрессия, экономия). М., 1986.

4. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999.

5. *Кобозева И.М.* Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–116.

6. *Ковалев Г.Ф.* Этнос и имя. Воронеж, 2003.

7. *Камская* вольница: исторический фольклор Прикамья. Пермь, 1977.

8. *Словарь* русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 1.

9. *Черных А.В.* Этнические особенности русских башкирского пограничья // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997.

VERBALIZING MEANS OF THE CATEGORY OF ETHNICITY IN NAIVE WORLD IMAGE

Sirotkina T.A.

Summary. Verbalizing means of category of ethnicity in naive world image are examined. Ethnonyms in dialect discourse of the Perm region representing the ethnic concepts and stereotypes in naïve world image are examined. Ethnic names are characterized as important components of the main linguistic consciousness category, i.e. the category of ethnicity.

Key words: category, naive world image, ethnicity, dialect speech, ethnic stereotypes, ethnonym.